

Солженицынские
ТЕТРАДИ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Москва
Русский путь
2014

3

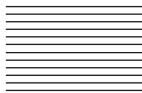
УДК 82.0
ББК 84(2Рос)6 + 83.3(2Рос)6
С-60

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012–2018 годы)»*

Главный редактор *А.С. Немзер*
Оформление *С.А. Астафуров*
Макет *И.И. Антонова*

ISBN 978-5-85887-440-9

© Авторы, 2014
© Медведева-Томашевская И.Н. (наследники), 2014
© Солженицын А.И. (наследники), 2014
© Чуковская Л.К. (наследники), 2014
© Яшин А.Я. (наследники), 2014
© ГБУК «Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына», 2014
© Оформление. ЗАО «Издательство “Русский путь”», 2014

ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ: Из наследия Александра Солженицына

Александр Солженицын

ИЗ «ЛИТЕРАТУРНОЙ КОЛЛЕКЦИИ»

Публикация, подготовка текста и примечания
Н.Д. Солженицыной

«ОБРЫВ» ГОНЧАРОВА¹

В один год (1869)² с окончанием «Войны и мира» (а «Отцы и дети» 1861, «Бесы» 1871). В таком окружении — что же?

Очень медленно (полторы части из пяти) действие только *готовится*, и уже сомневаешься: да будет ли оно? Вся I, петербургская, часть — совсем лишняя, роль Софьи Беловодовой — притянута, не нужна. (Диалоги Райского с ней передлинены, состроены при потере всякой меры.) После I части — впору хоть бросить книжку, не читать. Надо бы строить совсем без I части, а длиннейшие экскурсии в прошлое вмежёвывать в сегодняшние события. И II часть — много короче бы — какая долгая подготовка к Вере, начиная с её комнаты. И *весь* роман, все диалоги писать короче, и не повторяться.

По центральному замыслу — как Вера душевной силой и христианской традиционной моралью противостоит Марку и даже пытается спасти его, обратить, — роман мог бы быть очень значительным, даже эпохальным. Но у Гончарова не хватило смелости, дерзости или понимания собственных персонажей — именно *это* и показать, из *этого* и состроить роман (сам обрыв, Волга, имение, бабушка, Марфенька и Тушин — всё найдено и всё пошло бы!). А Гончаров не решился? Тему о разрушителе он превратил как бы в игру, именно это главное всё поместил за кулисы, нам оставлены только намёки, пустынькая интрига угадать, *кто* там прячется, да потом беглый пересказ всего замысла. Только единственная прямая между ними сцена (IV, 12)³ —

¹ Солженицын читал «Обрыв», делая попутные заметки, в начале 1986 года, в Вермонте, по изданию, взятому в библиотеке соседнего Дартмут-колледжа (указать это издание сейчас не представляется возможным). Текст очерка написан не позднее 1987.

² Роман впервые напечатан в «Вестнике Европы» (1869. № 1–5).

³ Здесь и далее в скобках римские цифры — номер части, арабские — номер главы.

тоже затянута, много объяснений от автора (и, как часто у него, — и не его одного — в ночной темноте видны все детали и цвета), но сцена верная (Марк — не уступил в принципе, и Вера сдалась). Кроме только неё — обзорно, общими словами названо то, в чём, в каких живых сценах и должен был бы состоять этот роман: что именно проповедывал Марк, как именно он аргументировал Вере, почему не убедил её, как она перешла его воспитывать — и влюбилась, и поддалась. На это — у автора не нашлось живых сцен.

А ведь Вера — вытянула бы, пожалуй, поживей многих тургеневских героинь, и — даже развитее Татьяны Лариной, важный был бы шаг в женских образах. Ночная прогулка её с Райским (IV, 8), когда она вырвалась из равновесия — сцена хороша. И продолжение кризиса (IV, 9) убедительно. (Однако наружности по одному подбородку, дрожащему в смехе, всё же не представить.) Но линия Веры с Волоховым скрыта от нас, не проработана, а затем вмиг бесосновательно отрублена. Остаётся непонятным, почему уж она сразу так отчаялась, не хочет даже прочесть письмо Марка, сразу считает всё потерянным, не хочет увидеться и объясниться. Дальше ещё неправдоподобней: она делится последовательно с бабушкой, Райским и Тушиным, как бы они избавили её спускаться в беседку. Это не в её характере, да даже и нескладно: а если три действующего столкнутся?

Но если это — просто «роман чувств», то неплохой, однако рядовой — и зачем тогда был нужен «новый человек» Волохов? Ведь он-то и есть главная проблема, и он почти обойден. Просто ли не понял Гончаров, насколько проблема «новых людей» глубока и серьёзна для России? Счёл, что это — просто мутации морали, которые можно устранить устойчивыми рамками морали прежней? Марк, конечно, недопредставлен, недорисован. Он кажется списанным с Базарова. Хотя, по малым признакам времени, действие происходит между 1851 (вступление во власть Наполеона III) и 1854 (Крымская война), — поразительно, что автор не нуждается в конкретном историческом времени, настолько роман не общественный, — так Волохов чуть ли не до Базарова? Но как примитивно подан: всё лазит через забор, где и без надобности; берёт деньги без отдачи; пронизателен; нахален, бесцеремонен; грубо откровенен в формулировках и мотивах (Вера ему: «волк, волчье») и неубедительно морализирует над собой (V, 17) — именно так, как надо автору, неловко за автора.

А ведь время уже началось бесовское, скоро напишутся (уже пишутся) «Бесы» — а мы всё чуть ли не в «лишних людях» 30-х годов? Та к о й роман нельзя писать без чувства напряжённой общественной атмосферы. Но и сам Марк — в обход общественных вопросов, не касается их.

И вдруг, неуместно и не в формате и тоне автора, — пафосное упоминание о декабристах (V, 7) — и это в романе о бесе?..

И как Гончаров робок о Марке, если уже *есть* «Некуда» (1864) Лескова, «Взбаламученное море» (1863) Писемского. Поразительна робость Гончарова, когда уже опубликованы и бурно обсуждены обществом 5–6 романов против нигилистов. (А через год в этом-то тихом Симбирске и родится Владимир Ленин.)

Гончаров, как он пишет, «расширил рамки романа» — произвольно, беспечно, никак не заботясь о плотности. (Ему казалось — для *той* провинциальной жизни и не нужна плотность? да, это отчасти и так.) Конечно, живых наблюдений над провинциальным обществом, над московским студенчеством — у него немало. Но взамен стержневого несостоявшегося наполнения — чем же роман напоён? Да — Борисом Райским, чуть не две трети. Бездельник, не знающий нужды в деньгах, «художественная натура» с непрерывной сменой неудавшихся видов искусств, раздражительный, переменчивый до психопатизма, безоглядно и унизительно влюбчивый, ничтожный до клоунады, потом и безвольный confident, тряпка (столь занятый им, опускается и Гончаров в нашем ощущении), — какой смысл был брать его в основу романа? Ничего нового, глубокого, содержательного. Этим растяпой роман и погублен, часто сбиваясь в фарс. Райский невыносимо ничтожен, жалок, но бывает вдруг необъяснимо груб в разговорах с бабушкой, да даже и с Верой: «Не любишь? так дай мне страсть, любви вообще нет» (III, 8) — вот так идеалист! В ухаживанье за Верой усиленно и гадко (как и с друзьями) накачивает любовную атмосферу. И автор в описании его переживаний невольно сбивается в безвкусицу, несносный пафос (например IV, 4–5).

А Марфенька хоть не нова — но получилась хорошо. Тем более — бабушка, хотя неприятно её безоглядное (и автором не укоряемое, а ведь пишет в 1869) крепостничество. «Человек, лакей, слуга, девка», терпеть не могла, чтобы кто-нибудь не работал и для того лечила их у бабки Меланхолихи... Да и у самого автора крепостные — как мебель. Но — фигуры, костюмы и быт народный — проглядывают. И природа бывает выражена отчётливо. И — свой жизненный душевный опыт.

Тушин — прост, но удался, очень симпатичен, и занимает верное место в романе. Но едва мы его начинаем любить — автор обрушивает на нас (V, 18) — объяснения, объяснения, возвышение.

И Леонтий Козлов хорош, верен. Неплох его монолог в защиту старых книг, знаний и героев (II, 8). А в горе (IV, 6) — трезво переходит от древности к современности.

С перебором шаржирована Крицкая, и много её, и всё в повторах.

Художник Кириллов — неплохо, пожалуй веришь.

Сам Обрыв — хорошо видится, и симбирцу естественно пришёл.

Но это роман — ещё беспечной эпохи, автору ничто не маячит из будущих бед России, и какая опасность в Волохове — он не чувствует, потому и не может написать. Гончаров принадлежит к беззащитной России.

Приёмы и писательская манера. — Все психологические ходы не только большей частью просты, но — на виду, и ещё *названы* автором. «В нём — только начинала разыгрываться сладость нервного раздражения». Называние — его болезнь, всё многократно поясняется. Вот бабушка «мирила старину с новизной», — но ни примеров тому, ни сцен, ни случаев — а просто обобщающий о том рассказ (II, 10). И обычаи Марфеньки — не показом, а рассказом. Что именно думает Вера о Райском? — изложено (III, 5) её письмом к попаде. Но автор не меняет точек зрения, держится за Райского, не возьмётся написать главу от Веры или кого другого, а разрешает себе общие описания характера, от себя. И много пояснительных абзацев среди повествования.

Размазаны и диалоги. Повторы — не убраны тщательной рукой, сразу же (I, 3) повторяются в описании дома Пахотиных, а «экспозиция» вообще тянется до 13-й главы. Глава 14 — совсем плохой разговор с Беловодовой, плоские и надоедные комментарии Райского. Глава 15 — история с умирающей Наташей — невыносимо пафосная, наверно и во времена Гончарова уже нельзя было так писать. — Излишества речи автора, несдержанность оценок.

Повторение (без цели) одних и тех же ходов (бабушка со счетами — Райский равнодушен; то отдаст имение воспитанницам, а библиотеку Леонтию — а словами всё какими-то нетерпеливо недобрými).

В общем — читать скучно (искусственно строится интерес на том, что неизвестен возлюбленный Веры), настоящей пружины нет. А главное — нет **плотности**, Гончаров о ней нисколько и не заботится, он, как Райский, «расширил рамки романа» — произвольно, беспечно.

Книга — из тех, которые не могут сохраниться при новом веке, новой эпохе.

И не вижу, чтобы Гончаров был ярче, цепче, скажем, Глеба Успенского. (А по принятому «разряду» числится как бы выше.)

В **языке** — никакой индивидуальности, народности, языкового богатства. Средне-общий, скучный язык. Городской, образованный, никакого рельефа.

Не следит и за звучанием: «с старинной», «с сдержанным» и т.д.

Из мелочей (хорошо):

швейцар похож на Нептуна

пыльное воспоминание

весь спрятавшись в бакенбарды, усы и бороду (художник Кириллов)

Но вот что себе позволяет:

— (звуки музыки) обдавали точно морской волной, целые миры от-
верзались;

— он заронил в неё (Софью) сомнения гамлетовские;

— освещает тёмные места своего идеала;

- разобьёт свою статую в куски и потушит диогеновский фонарь;
- неги страсти тихо стукнулась к ней в душу;
- усталость моральная и физическая;
- исключительная глубокая натура её практиковала силу своей воли над окружающим деспотизмом.

Критика слева на «Обрыв» была очень резка уже в 1869.

(Кстати, и очерк «Милльон терзаний»⁴ — не нахожу пронизательным, в эпоху и в автора не вдумывается глубоко.)

⁴ «Милльон терзаний (Критический этюд)», посвященный комедии Грибоедова «Горе от ума», написан Гончаровым в 1872 году, после посещения в ноябре 1871 бенефиса актера И.И. Монахова (Чацкий) в Александринском театре. Опубликован впервые в «Вестнике Европы» (1872. № 3).

Комедии Грибоедова посвящен и очерк Солженицына «Протеревши глаза: “Горе от ума” глазами зэка». Написанный в 1954 в ташкентской онкологической клинике (в раковом корпусе), очерк был опубликован лишь через 45 лет. «Безо всякой цели что-то пересмотреть или переписать, просто понасладиться взял я в руки как-то в лагере “Горе от ума” и стал читать — глазами уже пожившего человека, изрядно повидавшего разных людских положений. И вдруг от страницы к странице я с удивлением обнаружил, что читаю как первый раз и вижу действующих лиц совсем не такими, как меня когда-то натаскивали в школе. Я протёр глаза — да, именно так. По-новому что-то» (*Солженицын А.И. Протеревши глаза. М.: Наш дом – L'Âge d'Homme, 1999. С. 344–365*).

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ

Из наследия АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

<i>Александр Солженицын. Из «Литературной коллекции» «Обрыв» Гончарова</i>	5
<i>Публикация, подготовка текста и примечания Н.Д. Солженицыной</i>	
<i>«...Работаю радостно и много»: Из переписки Александра Солженицына и Лидии Чуковской (1977–1979)</i>	11
<i>Публикация, подготовка текстов, вступительная заметка и комментарии Е.Ц. Чуковской</i>	

СТАТЬИ И ДИСКУССИИ

<i>П.Е. Спиваковский. Полифония у Ф.М. Достоевского и А.И. Солженицына</i>	51
<i>А.С. Немзер. Русская словесность на Матрёнинском дворе</i>	64
<i>И.В. Дорожнинская. Костюм в романе А.И. Солженицына «В круге первом»</i>	98
<i>М.Е. Федянина. Архаизирующее новаторство: «Архипелаг ГУЛАГ» как синтез крестьянского мировоззрения и авангардистской поэтики</i>	112
<i>И.Е. Мелентьева. Лошади и другие животные в «Архипелаге ГУЛАГе»</i>	117
<i>«Архипелаг ГУЛАГ» — сорок лет спустя Из материалов круглого стола, посвященного юбилею первой публикации Заседание первое. «Архипелаг ГУЛАГ» в современной школе.</i>	123
<i>Ведущий: С.Ф. Дмитренко</i>	
<i>Выступления: О.О. Павлов, Н.Т. Орлова, Ю.С. Цурганов, Е.Е. Вяземский, Н.Д. Солженицына, Л.И. Сараскина, Н.А. Формозов</i>	

Заседание второе. «Архипелаг ГУЛАГ»: сорокалетний опыт прочтения	133
<i>Ведущий:</i> А.С. Немзер	
<i>Выступления:</i> Н.Г. Левитская, Е.Ц. Чуковская, Н.Д. Солженицына, Л.И. Сараскина, А.Я. Разумов, Б.Н. Любимов, А.Д. Шмелев	
«Солженицын и медиа в пространстве советской и постсоветской культуры»: <i>Стенограмма обсуждения книги Л.И. Сараскиной</i>	150
<i>Ведущая:</i> Г.А. Тюрина	
<i>Выступления:</i> Л.И. Сараскина, Б.В. Орешин, Б.Н. Любимов, Е.Ц. Чуковская, П.В. Басинский, Н.А. Формозов, В.В. Туркина	
ВОСПОМИНАНИЯ	
<i>Г.А. Жидкова.</i> «Моя мама, Анна Васильевна Исаева...»	171
<i>Ж. Нива.</i> «Обнять такого автора — это нечто особое...»	174
ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА	
Премия 2014	
Решение жюри	181
Церемония награждения	181
<i>Ведущая:</i> Н.Д. Солженицына	
<i>Выступления:</i> Л.И. Сараскина, П.В. Басинский, В.С. Непомнящий, А.С. Немзер, И.Б. Роднянская	
Книжная серия	201
ВЫСТАВКА «АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН: ИЗ-ПОД ГЛЫБ»	
<i>Г.А. Тюрина.</i> Первая презентация солженицынского архива в Москве:	
<i>Биография в рукописях</i>	202
Из книги отзывов	208
<i>С.В. Волков.</i> Уроки выставки	222
Рассказы школьников и студентов	225
АРХИВНЫЕ НАХОДКИ	
«Пусть Наступающий не будет слишком злым!»:	
<i>К истории письма А.И. Солженицына к А.Я. Яшину</i>	236
«Мне предстоит нелегкое с Вами состязание»:	
<i>Ирина Николаевна Медведева-Томашевская (1903–1973)</i>	247

Документы И.Н. Медведевой-Томашевской	259
Из переписки И.Н. Медведевой-Томашевской и А.И. Солженицына (1967–1973)	260

*Публикация, подготовка текстов, предисловие
и примечания Г.А. Тюриной*

ХРОНИКА

Раздел подготовлен И.Е. Мелентьевой и Г.А. Тюриной

Издания произведений А.И. Солженицына	271
Литература о творчестве А.И. Солженицына	273
Выставки, конференции, лекции, чтения, обсуждения	276
Произведения А.И. Солженицына в искусстве	282
Семинар, посвященный трудам и дням писателя	283
In memoriam	285
ОБ АВТОРАХ	288
SUMMARY	290
CONTENTS	296

Солженицынские тетради: Материалы и исследования : [альманах].
С-60 Вып. 3 / Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына ; [гл.
ред. А.С. Немзер]. — М. : Русский путь, 2014. — 304 с. : ил.

ISBN 978-5-85887-440-9

Ежегодный альманах «Солженицынские тетради» призван способствовать общению профессиональных исследователей жизни и творчества писателя и его заинтересованных читателей. Альманах представляет неопубликованные тексты из наследия А.И. Солженицына, документы, связанные с жизнью и работой писателя, мемуары о нем и его эпохе, исследования, посвященные конкретным произведениям, их взаимосвязям, логике творческого пути писателя, его месту в литературе и культуре, роли в истории XX столетия и той истории, что творится сегодня.

В этом выпуске впервые публикуются очерк писателя «“Обрыв” Гончарова» из «Литературной коллекции», фрагменты переписки А.И. Солженицына с Л.К. Чуковской (1977–1979), А.Я. Яшиным (1967–1968), И.Н. Медведевой-Томашевской (1967–1973). Хроника происходящего в солженицынском пространстве включает информацию о значимых изданиях книг писателя и их переводах, новинках исследовательской и учебной литературы, конференциях, выставках, театральных и музыкальных интерпретациях, очередном решении жюри Литературной премии Александра Солженицына. Издание иллюстрировано репродукциями рукописей и фотоматериалами.

УДК 82.0

ББК 84(2Рос)6 + 83.3(2Рос)6